

В. НАУМЕНКО

КУБАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИК

Третий год издания.

МАРТ — АПРЕЛЬ

1962 г.

№ 15

VYACESLAV NAUMENKO

P. O. Box 323

BLAUVELT, N. Y.,

U. S. A.

В. Науменко.

КУБАНСКИЙ

исторический и литературный

СБОРНИК.

№ 15 - март-апрель 1962 г.

Блаувелт. США.

Послом / год 8-7-62.

О г л а в л е н и е

Положение о Кавказскомъ Линейномъ казачь- емъ Войске 14 февраля 1845 года.....	стр.	3.
Черноморская трагедия / продолжение/ В.Науменко.....	"	14.
Отрывок воспоминаний о жизни на Кубани в шестидесятых и семидесятых годах прош- лого века.+Д-р С.М.Мащенко.....	"	21.
Братцы, спасите !...Д-р А.А.Жемчужный.....	"	24.

ОТ РЕДАКТОРА.

До настоящего времени вышло в свет 14 номеров Кубанского исторического и литературного Сборника. В них печатались официальные документы, воспоминания отдельных лиц, исторические и бытовые очерки, жизнеописания выдающихся Кубанцев, рассказы из прежней жизни Войска, песни, стихотворения и пр.

Несомненно, что читатель, внимательно прочитавший все то, что печаталось на страницах номеров Сборника, составил мнение как о самом Сборнике, так и о материалах, напечатанных в нем. Несомненно также, что прочитанное воспринимается разными лицами по-разному: одним по душе официальные документы о прошлом Войска, другим разного рода воспоминания, третьим — рассказы из нашего прошлого и т. д.

Редакция будет благодарна каждому читателю, который сообщит ей какое впечатление производит на него Сборник в целом, а также материалы в нем печатаемые, что, по его мнению печатать желательно, а что лучше не печатать.

Может быть у кого, в связи с прочитанным, возникнут пожелания, чтобы печаталось что-либо из того, что до сего времени не печаталось и, вообще, для общей нашей пользы, желательно иметь откровенное мнение и пожелания читателей, как о Сборнике вообще, так и о материалах в нем печатаемых.

Июль 1962 г.

Влаувелт.

В. Н а у м е н к о .

Исправление: В жизнеописании генерала Н.Г.Бабиева, на странице 20-й №-ра 7-го Кубанского Сборника ошибочно сказано, что он произведен в офицеры в 1909 году.

Как то видно из Высочайшего приказа о производстве в офицеры от 15 июня 1908 года — он произведен в Хорунжие в 1908 году.

о /См. Куб.Сб. № 10, страница 11. /

Ред.

П О Л О Ж Е Н И Е
о Кавказскомъ Линейномъ казачьемъ
Войске ./14 февраля 1845г.
/ Продолжение/.

2/0 полкахъ и бригадахъ.

§ 23. Кавказское линейное казачье войско составляютъ: Семнадцать конныхъ полковъ: 1 и 2-й Кавказские, 1 и 2-й Лабинские, 1 и 2-й Кубанские, 1 и 2-й Ставропольские, 1 и 2-й Хоперские, 1 и 2-й Волгские, Горский, Владикавказский, Моздокский, Гребенской и Кизлярский.

Сверхъ того предназначены къ сформированию 3-й Лабинский, 1 и 2-й Сунженские. -х/

§ 24. Полки сии образуютъ 8 бригадъ:

1-й Кавказский	1-ю бригаду.
2-й Кавказский	
1-й Лабинский	2-ю бригаду.
2-й Лабинский	
1-й Кубанский	3-ю бригаду.
2-й Кубанский	
1-й Ставропольский	4-ю бригаду.
2-й Ставропольский	
1-й Хоперский	5-ю бригаду.
2-й Хоперский	
1-й Волгский	6-ю бригаду.
2-й Волгский	
Горский	7-ю бригаду
Владикавказский	
Моздокский	8-ю бригаду.
Гребенской	
Кизлярский	

3-й Лабинский полкъ по сформировании, поступить во 2-ю бригаду, а 1-й и 2-й Сунженские составят особую бригаду.

§ 25. Полковныя и бригадныя штабъ-квартиры назначаются:

Полковныя в станицахъ:	Бригадныя въ станицахъ.
1-го Кавказскаго -- Архангельской	1-й бригады Усть-Лабинской.
2-го Кавказскаго -- Ладожско й	
1-го Лабинскаго -- Воздвиженской	2-й бригады Возвиженской.
2-го Лабинскаго -- Вознесенской	
1-го Кубанскаго -- Новоалександров.	3-й бригады Прочноокопская.
2-го Кубанскаго -- Григориполисск.	

Примечание :-х/- Урупский полкъ сформирован только через 15 лет после издания настоящаго Положенія-въ 1858 году и вместе со 2-м Урупским полкомъ, вошелъ въ Урупскую бригаду.

Въ 1906 году Урупские полки переименованы въ Линейные.

В.Н.

1-го Ставропшльск.-Михайловской	4-й бригады Николаевской.
2-го Ставропольск. Николаевской	
1-го Хоперскаго Калиновской	5-й бригады Суворовской.
2-го Хоперскаго Баталпашинской	
1-го Волгскаго Александрійской	6-й бригады Эссентукской.
2-го Волгскаго Эссентукской	
Владикавказскаго Ардонской	7-й бригады Прохладной
Горскаго Прохладной	
Моздокскаго Галюгаевской	8-й бригады Червленной.
Гребенскаго Червленной	
Кизлярскаго Каргалинской	

§ 26. Все полки Кавказскаго линейнаго казачьяго войска имють шестисотенный составъ. Число чиновъ въ полкахъ определяется прилагаемымъ штатомъ/прил. IY/.

§ 27. Каждый полкъ имють знамя, по образцу казачьихъ полковъ.

§ 28. Полки, по фронтовому образованию руководствуются правилами о составе и построении казачьихъ полковъ вообще, изъясненными въ приложении къ статье 1647, Продолжения I, книги 2, части I Свода Военныхъ Постановлений, а по внутренней части полковою инструкцією войска Донскаго, приложенною къ ст. 1926, книги 2 части I Свода Военныхъ постановлений.

§ 29. Каждый полкъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска составляется изъ населения своего округа.

§ 30. Бригадные и полковые командиры назначаются изъ штаб-офицеровъ регулярныхъ войскъ, Высочайшими приказами.

§ 31. Согласно съ § 249 сего положенія полками: I и 2 Кавказскими, I и 2 Лабинскими, I и 2 Кубанскими, I и 2 Ставропольскими, I и 2 Хоперскими, I и 2 Волгскими заведуютъ бригадные командиры, а потому в сихъ полкахъ особыхъ полковыхъ командировъ не назначается; командование же каждымъ полкомъ, собственно въ строевомъ отношении вверяется войсковымъ Старшинамъ.

§ 32. Бригадный командиръ 7-й бригады вместе с темъ заведуетъ Горскимъ полкомъ, а бригадный командиръ 8-й бригады-Гребенскимъ полкомъ.

§ 33. Штабъ и оберъ-офицерские места въ полкахъ занимають офицеры войскового сословія, а при недостатке въ нихъ, офицерския вакансии замещаются офицерами регулярныхъ войскъ.

§ 34. Все офицеры регулярныхъ войскъ, при зачислении ихъ въ полки на вакансии, переименовываются в соответствующие казачьи чины, получая жалование по чинамъ, по армейскимъ кавалерійскимъ окладамъ и пользуясь на службѣ и при отставке всеми преимуществами, офицерамъ регулярныхъ войскъ предоставляемыми.

3/0 конно-артиллерійской бригаде.

§ 35. Конно-артиллерійская бригада Кавказскаго линейнаго казачьяго войска состоитъ изъ трехъ легкихъ батарей.

§ 36. Батарей полагаются въ 8 орудийномъ составе каждая.

§ 37. Батарейамъ присваиваются номера: I3, I4 и I5, т.е. последующие за батареями Черноморскаго войска.

/ Далее, дабы не затемнять подробностями, представляющими интересъ лишь для лицъ детально изучающихъ историю Войска, последующие параграфы главы Положенія об артиллеріи, излагаются сокращенно. Ред./

Стоянки батарей Линейнаго Войска избираются Главнокомандующимъ отдельнымъ Кавказскимъ корпусомъ.

Бригаднымъ командиромъ конно-арт. бригады является Командиръ старшей батареи. Онъ назначается изъ штаб-офицеровъ полевой артиллеріи.

Тоже самое и батарейные командиры. Офицеры артиллерийской бригады назначаются из Войска, а при недостатке их, из полевой артиллерии.

Не составляя в Войске особого поселенного округа, артиллерия комплектуется по распоряжению Войскового Наказного Атамана "лучшими людьми, по возможности уравнительно между полками."

В хозяйственном отношении батареи подчиняются своим командирам.

4. — О дивизионе въ составе Кавказскаго своднаго иррегулярнаго полка.

§ 48. Въ Кавказскомъ сводномъ иррегулярномъ полку, при действующей армии, находится дивизионъ Кавказскихъ линейныхъ казаковъ.

/Далее излагается сокращенно. Ред./

Дивизион имеет стоянку в Варшаве. Офицеры и казаки назначаются в этот дивизион из всех полковых округов уравнительно

По возвращении из Действующей армии, они обращаются в состав своих полков.

5. — О команде войсковыхъ мастеровыхъ.

§ 55. Команда войсковыхъ мастеровыхъ, по примеру войска Донскаго состоитъ изъ 221 человека служащихъ казаковъ всего войска.

/Далее данные об этой команде излагаются сокращенно/.

Команда предназначена для изготовления предметов обмундирования и вооружения, а потому люди, в нее избираются из всех полковых округов "люди искусные въ мастерствахъ".

Определение числа людей для каждого мастерства предоставляется усмотрению Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории.

6. О Торговомъ Обществе казаковъ.

§ 59. — Торговое Общество учреждается въ Кавказскомъ линейномъ казачьемъ войске с целью облегчить казакамъ средства: а/ къ снабжению себя необходимыми потребностями и б/ къ выгоднейшему сбыту произведений своей земли.

§ 60. Торговое общество полагается въ 200 человекъ. — Въ составъ его допускаются служилые казаки со всего войска.

§ 61. Права Торговаго Общества, его устройство, обязанности и т.п. излагаются в §§ 400 и 401 сего Положения.

IV — Обязанности войска.

§ 62. Кавказское линейное казачье войско обязано: 1/ Охранять Кавказскую линию на занимаемомъ войскомъ пространстве отъ набеговъ и вторжений Горскихъ народовъ; охранять отъ нихъ же военную — Грузинскую дорогу. 2/ Высылать по распоряжению начальства, отряды для экспедиций противъ сихъ народовъ. 3/ Заселять вновь учреждаемая правительствомъ линии и защищать оныя отъ Горцевъ. 4/ По повелению, выставлять полки и батареи на службу вне пределовъ Войска.

§ 63. Для исполнения сихъ обязанностей сообразно положению линии, Кавказское линейное казачье войско содержать свои полки и батареи въ полномъ составе, въ совершенной и всегдашней готовности къ выступлению и действию. Войско имеетъ свое собственное обмундирование и вооружение, по даннымъ образцамъ, своихъ верховыхъ, а

где положено, и вьючных лошадей, а также всю конскую принадлежность.

§ 64. Сверх того войско содержит внутреннее свое управление и отбывает все гражданские повинности, с постоянною оседлостью не различныя. Образ исправления сих повинностей излагается въ §§ 418 и 419 сего Положения.

У. С л у ж б а в о й с к а .

§ 65. Служба Кавказскаго линейнаго казачьяго войска есть двоякая : п о л е в а я и в н у т р е н н я я

I/ С л у ж б а п о л е в а я .

§ 66. Полевая служба разделяется: а/ На службу линейную, въ пределах Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. б/ На службу внешнюю, вне границъ войска и вне пределовъ Кавказскаго края.

§ 67. Линейная служба отправляется одинаково всеми полками Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

№ 68. На сей конец войсковое начальство наблюдает, чтобы внутренние полки войска: I Кавказский, I Кубанский, I Ставропольский, I-й Хоперский и I Воглский несли все обязанности кордонной службы, сколь возможно уравнильнее с передовыми полками техъ же наименований, и участвуя въ одинаковыхъ съ ними трудахъ и опасностяхъ, сохранили доблестный и воинский духъ, Кавказскому линейному казачьему войску свойственный.

§ 69. Для отправления полевой службы въ полкахъ ведется очередь.

§ 70. Полевая служба в пределах войска состоитъ: а/ въ содержании постовъ и карауловъ по кордонной линии; б/ въ резервахъ для подкрепления кордонной стражи; в/ во временныхъ отрядахъ, для прикрытия пунктовъ линии, иногда более подвергающихся нападениямъ хищниковъ, и г/ въ конвойныхъ командахъ.

§ 71. Число офицеровъ и нижнихъ чиновъ потребное для отправления полевой службы въ пределах войска, определяется росписаниемъ составляемымъ, по распоряжению Командующаго войсками на линии, въ его Штабе-. Росписание это передается къ исполнению черезъ Войсковаго Наказнаго Атамана, бригаднымъ и полковымъ командирамъ.

§ 72. Бригадные и полковые командиры, сообразивъ число нижнихъ чиновъ, требующееся по росписанию къ высылке на службу, съ имеющимися въ Полковыхъ Правленияхъ списками всехъ служащихъ урядниковъ и казаковъ, делаютъ нарядъ людей по сотнямъ, назначая определенно: сколько каждая сотня должна выслать, на какую именно службу и на какой пунктъ.

§ 73. При семъ назначении вменяется бригаднымъ и полковымъ командирамъ въ неприменную обязанность, наблюдать самую строгую уравнильность между сотнями, дабы одна сотня, сравнительно противъ другой не была обременена излишнею высылкою людей.

/ Далее, въ 28-ми параграфахъ говорится о подробностяхъ высылки офицеровъ и казаковъ войска на полевую службу, при чемъ обращается особое внимание "на уравнильность" между полками наряда на службу и на справедливый призывъ отдельныхъ казаковъ. § 85 говоритъ о воспрещении найма и замены на службе одного казака другимъ заключениемъ когда отецъ желаетъ итти на службу вмесо сына, или сынъ вместо отца, а также родные братья одинъ вместо другого, но при условии чтобы желающие итти на службу были бы служилыми казаками./

2/ С л у ж б а в н у т р е н н я .

§ 102. Должности, установленныя по внутреннему управлению войска, наполняются преимущественно изъ отставныхъ штабъ и оберъ--офицеровъ по выборамъ и по избранію Войскового Атамана и утверждаются начальствомъ.

§ 103. Назначение отставныхъ чиновниковъ къ должностямъ /х/ по распоряженію Войскового Наказнаго Атамана, безъ собственнаго ихъ желанія, можетъ быть допускаемо только по необходимости, т.е. когда къ замещенію какого либо места употребить другаго будетъ некого.

§ 104. Поступившіе изъ отставныхъ въ военную службу, въ полученныхъ ими при отставке чинахъ, по списку становятся младшими противу техъ, кои приобрели таковыя же чины, находясь на полевой службе.

§ 105. Если кто изъ чиновниковъ вышелъ въ отставку съ повышениемъ чина, да и по внутренней службе получилъ опять повышение, тотъ принимается въ военную службу съ сохранениемъ только перваго изъ двухъ чиновъ, при отставке имъ полученнаго, и становится по списку младшимъ противъ произведенныхъ въ такой же чинъ на полевой службе.

§ 106. Служащихъ штабъ и оберъ--офицеровъ дозволяется употреблять во внутреннія должности единственно въ такихъ случаяхъ, когда не было бы въ виду желающихъ, способныхъ изъ отставныхъ, и не иначе, какъ съ разрешенія начальства.

/Далее о службе внутренней делаются сокращения и полностью приводятся только некоторые параграфы./

Положениемъ предусматривается количество служащихъ в канцеляр--яхъ, только по штатному числу

В смысле сроковъ службы, внутренняя служба приравняется к полевой.

Урядники и казаки, почему либо перечисляемые из полевой службы на внутреннюю, остаются на ней до полного тридцатилетнего срока.

Перечисленные на внутреннюю службу нижние чины исправляют в станицахъ станичные повинности и другіе станичные надобности вместе с малолетками.

При исполненіи службы они должны соблюдать установленную форму одежды. в §117 по этому вопросу говорится--"Употребление крестьянской одежды, какъ несвойственной военнымъ людямъ , во все время действительнаго отправления чинами внутренней службы, явно и при явке къ начальству, совершенно запрещается."

Для сопровожденія арестантовъ Должны назначаться конные, хорошо вооруженные казаки.

В §--е 120 говорится, что казаки как служащие, так и переведенные из полевой на внутреннюю службу/кроме имеющихъ знаки отличія/ не могутъ быть назначаемы--"ни въ должности церковнаго ктитора или старосты, ни въ караулы при Божиихъ храмахъ". На эти должности могли быть назначаемы лишь "находящіеся въ чистой отставке".

Согласно Положенію "порочные и преданные пьянству" не могли быть назначаемы в церковный караул.

П р и м е ч а н и е /х/ Надо иметь в виду, что в Положеніи имену^т чиновниками все^х имеющихъ чины как офицерскіе, так и соответствующіе им по рангу--гражданскіе.

Рец.

Заслуживают быть отмеченными §§ 125 и 126 этого Положения.

§ 125. Нижние чины, состоящие в конвойной команде Его Императорского Величества и конно-артиллерийских бригадах, равно и служащие урядники вообще, во время нахождения в домах своих, освобождаются от всех внутренних по войску и по станицам употреблений, караулов и летучих почт.

Означенные нижние чины, равно как и все служащие казаки и урядники, обязаны однако выполнять те общественные потребности, кои не составляют никакой внутренней должности, например: церковную постройку, исправление в станичном владении паромов, мостов, гадей, дорог, мельниц, станичное сенокосение и тому подобное, до станичного хозяйства относящееся.

§ 126. Собственные дома казаков, находящиеся в конвойной команде Его Императорского Величества, от частного поста освобождаются; но общую повинность военного поста для проходящих полков и команд они несут наравне с прочими.

З/ Л ь г о т ы о т с л у ж б ы и с м о т р ы .

§ 127. Правила, установленные для войска Донского о льготах от службы, о смотрах: ежегодном в станицах и специальном, при выходе на службу и возвращении в войско частей полков и батарей, а также о мере исправления порочных офицеров и нижних чинов, применяются и к Кавказскому казачьему войску.

§ 128. Доведение до надлежащей степени образования полков и батарей Кавказского казачьяго войска по фронтовому устройству и военному искусству, возлагается на особенное попечение Командующаго войсками на Кавказской линии и в Черномории и Войсковаго Наказнаго Атамана, но с тем вместе им вменяется в обязанность строго наблюдать дабы казаки и в домашнем быту их имели время и возможность к производству полевых и хозяйственных работ.

У I. О б м у н д и р о в а н и е и в о о р у ж е н и е .

§ 129. Кавказское линейное казачье войско имеет и содержит в полной исправности свое собственное обмундирование и вооружение по прилагаемому описанию/прил. IX и X /, своих собственных верховых и вьючных, к службе совершенно годных, лошадей и всю конскую принадлежность.

§ 130. Высочайше утвержденные образцы обмундирования хранятся в Войсковом Дежурстве. По одному экземпляру сих образцов Дежурство препровождает к руководству в Полковныя Правления.

§ 131. Все офицеры и нижние чины войска, состоя на службе, или являясь начальству, обязаны иметь обмундирование, вооружение и конскую сбрую непременно по образцам и описаниям. За точным исполнением этого правила наблюдает Войсковой Наказный Атамань.

Приложение IX.

О п и с а н и е обмундирования, вооружения и конской принадлежности полков Кавказского каз. войска.

Офицерск.
шапка. — Полукруглая, верх/башлык/ суконный, обложен вокруг серебрянную широкую тесьмою и переложень четырьмя полосами серебрянной же узкой тесьмы; околыш черного косматого курпея, подбородник черной, шелковой тесьмы.
Казацкая же, и только у урядников верх обложен серебрянным галуномь.
Мундирь — Суконный без воротника и обшлагов, покроя, употребляемого

ныне въ войске, длиною на 2 вершка ниже коленъ; обложенъ кругомъ и по краямъ рукавовъ серебряною узкою тесьмою; застегивается крючками отъ нагруднаго патронника до пояса.

Каз.—Такой же и только у урядниковъ называется по вороту до пояса узкий серебряный галунь.

Бешметъ —Шалоновый, по цвету башлыковъ, длиною на одинъ-вѣршокъ къ мундиру; обложенъ по воротнику и борту до пояса серебряною тесьмою.

Каз.— Стамедный; у урядниковъ по воротнику и борту до пояса обшить серебрянымъ галуномъ.

Напатронникъ

на мундире. —Черный, бархатный съ внутренними карманами, обложенъ вокругъ широкою серебряною тесьмою; втулки корельской березы съ висеребреными головками, каждаго на 8-мь патроновъ.

Каз.—Черный, кожаный съ внутренними карманами; обшивается чернымъ басономъ и чернымъ шнуркомъ; втулки березовия съ белыми костяными головками, на 8 патроновъ каждаго.

Эполеты—Серебряные, чешуйчатые, съ такимъ же полемъ, на коем, равно какъ и на пуговице, знакъ полка.

Каз.— Погоны суконные по цвету башлыковъ, съ выбитымъ изображеніемъ знака полка, именно:

1 К.—Первый Кавказский,	1 Х.—Первый Хоперский,
2 К.—Второй Кавказский,	2 Х.—Второй Хоперский,
1 К.—Первый Кубанский,	1 В.—Первый Волгский,
2 К.—Второй Кубанский,	2 В.—Второй Волгский,
1 Л.—Первый Лабинский,	Г.—Горский
2 Л.—Второй Лабинский,	М.—Моздокский,
1 С.—Первый Ставропольск.	Гр.—Гребенской,
2 С.—Второй Ставропольск.	В.—Владикавказский,
	К.—Кизлярский.

Шаровары—Суконныя по цвету мундировъ съ кожаными стременками, обложенныя по боковымъ швамъ въ два ряда серебрянымъ галуномъ.

Каз.— Такая же, но безъ галуна.

Шнуръ пис-

толетный—Серебряный. Каз.—Шерстяной по цвету башлыковъ.

Чехоль пис-

толетный.—Суконный: верхняя часть по цвету бешмета, а нижняя по цвету мундира; обложенъ по швамъ серебрянымъ галуномъ.

Каз.— Такой же, но безъ галуна.

Вместо

шинели—Черкесская бурка. Каз.— Тоже.

Кушакъ—Черной тесьмы, затканый серебромъ, шириною въ 1/2 вершка съ жирницею и петлею для кинжала; наборъ серебряный съ чернью.

Каз.— Чернаго ремня шириною 1/2 вершка, съ жирницею и ременною петлею для кинжала; наборъ железный.

Портупей.—Черкесская изъ ремня черной кожи съ висеребренымъ наборомъ.

Каз.— Такая же, съ железнымъ наборомъ.

Пистолеть.—Черкесский, произвольной формы. Каз.—Тоже.

Шашка.—Черкесская; формы употребляемой ныне чинами Кавказскаго войска, съ серебрянымъ темлякомъ.

Каз.— Такая же, но безъ темляка.

Кинжаль-Черкесский, украшения на нем произвольныя.

Каз.-Тоже самое.

Ружье- Каз. Черкессое, формы оному не полагается.

Чехоль на ружье.-Каз.-Изъ кожи, выделанной шерстю наружу.

Патронтаж.-Каз.- Изъ черной кожи на 20 патроновъ въ I рядъ; крышка обшита ко краямъ черною, шелковою тесьмою, шириною въ I/4 вершка. Вместо перевязи, при патронтаже, употребляется черная шелковая тесьма, шириною въ I/4 вершка.

Нагруска.-Роговая с металлическою гладкою оправою. Къ ней полагается шнуръ, сходный со шнуромъ pistolетнымъ.

Седло--состоитъ изъ арчака, подпругъ, путлицъ со стременами, потника, пахвей, трока и чехла с подушкою.

/На седле: чехол и подушка изъ черной кожи, обшитые по краямъ краснымъ сафьяномъ и, сверхъ того серебрянымъ галуномъ/.

Каз.- Седло такое же, но подушка не обшивается галуномъ.

Уздечка.-Сыромятной кожи съ высеребреннымъ наборомъ.

Каз.-Такая же, с железнымъ наборомъ.

Недоуздокъ-Сыромятнаго ремня. Каз.-Тоже.

Нагайка.-Черкесская. Каз.-Тоже.

П р и м е ч а н и я :

I-Цветъ полагается:

I-го Военнаго округа:

Въ I и 2 Кавказскихъ полкахъ	Красный	Синий.
- I - 2 Кубанскихъ "	Белый	Синий.
- I - 2 Лабинскихъ "	Оранжевый	Синий.

2-го Военнаго округа:

Въ I и 2 Ставропольскихъ полкахъ:	Зеленый	Коричневый.
- I - 2 Хоперскихъ полкахъ	Желтый	Коричневый
- I - 2 Волгскихъ полкахъ	Светлосиний	Коричневый.

3-го Военнаго округа:

Въ Горскомъ полку	Красный	Коричневый.
" Моздокскомъ полку	Белый	Коричневый.
" Гребенскомъ полку	Желтый	Коричневый.
" Владикавказскомъ полку	Зеленый	Коричневый
" Кизлярскомъ полку.	Светлосиний	Коричневый.

2-Тесьма и галунь, по дознанной прочности и дешевизне, употребляются чинами войска вообще на обкладку обмундирования, Азиатскаго изделия.

3-Адъютантамъ присваивается мундиръ, установленный приказомъ по военному ведомству 1837 г. № 10.

О п и с а н и е обмундирования, вооружения и конской принадлежности конно-артиллерийской бригады Кавказского казачьего войска, состоящей из батаорей № 13, 14 и 15.

У артиллеристов все это как и в конных полках, за исключением:

- 1-Мундир и шаровары у артиллеристов темнозеленого сукна,
- 2-Эполеты у офицеров, тесьма, галун и все остальное, что у офицеров и урядников в полках серебрянное, у артиллеристов золотое, за исключением пистолетного шнура и темлика на шашке, которые и у них серебрянные.
- 3-У артиллеристов нет ружей и патрангашей.
- 4-У артиллеристов бешмет и пояс красные.

Некоторые пояснения редакции к форме одежды Линейцев.

- 1-Словом башлык, назывался, как и у Черноморцев, верх шапки /папахи/. Такого башлыка как был у нас, у Линейцев и у Черноморцев не было.
- 2-Мундиром у Линейцев называлась черкеска.
- 3-Напатронниками назывались, нашитые на груди черкески вместилища для газырей, что у нас называлось "гази".
- 4-У офицеров, как у Линейцев, так и у Черноморцев, не было погон. Они всегда носили эполеты.
- 5-Кушаком назывался пояс.
- 6-Шаровары, как у офицеров, так и у казаков, носились навывпуск и чтобы они, при верховой езде не поднимались вверх по ноге, придерживались внизу ремешками которые назывались стременками.
- 7-Жирница-небольшая металлическая коробочка для смазочного материала. Носилась она на поясе.
- 8-Натруска-небольшая плоская роговая коробочка для пороха, который, при вооружении кремневыми ружьями, насыпался/натрушивался/ на "полку" ружья.
- 9-Бешмет шалоновый или стамедный- значит из шерстяной материи.

Чтобы закончить с вопросом обмундирования и вооружения, отметим разницу таковых у Линейцев и у Черноморцев.

- 1- Мундир: у Линейцев черкеска горского образца, у Черноморцев тоже черкеска, но с откидными рукавами и более укороченная.
- 2-У Линейцев бурка, у Черноморцев шинель.
- 3-У Линейцев только папахи/шапки/, у Черноморцев, кроме того и фуражки.
- 4-Какова была обувь у Линейцев, в Положении не сказано-вероятно перенятая от горцев. У Черноморцев- сапоги.
- 5-Линейцы были вооружены холодным и огнестрельным оружием кавказским/как у горцев/. Черноморцы имели только кинжалы кавказские, шашка же, пистолет и ружье были установленного образца.
- 6-Черноморцы были вооружены пиками. У Линейцев их не было.

В.Н.

Продолжение Положения о Кавказском Линейном Войске 1845 г.

УИИ- С о д е р ж а н и е в о й с к а .

§ 132. Кавказские линейные казачьи полки и конно-артиллерийская бригада получают содержание от казы и от войска.

а/ Содержание отъ казны .

§133. Полкамъ, конно-артиллерийскимъ батареямъ и командамъ, во время нахождения на действительной службе, линейной и внешней, производится жалованье, провиантъ, фуражъ и ремонтныя деньги отъ казны.

§ 134. Содержание штабъ и оберъ-офицеровъ полковъ и батарей определяется штатами.

§ 135. Нижние чины полковъ, батарей и командъ на действительной службе получаютъ отъ казны:

1. Жалованье и провиантъ постоянно, первое по штатамъ, а последний въ узаконенной пропорции. — Служащие урядники и казаки Гребенскаго и Кизлярскаго полковъ, на основании древнихъ привилегий и по уважению скуднаго въ сихъ полкахъ хлебопашества, получаютъ дачу муки по 6 четвертей и крупъ по 3 четверти на человека. За симъ отпускъ такъ называемаго хлебнаго жалованья отменяется.

2. Фуражное довольствие: а/ Полки, въ указанное время, на строевыхъ казацкихъ лошадей: въ экспедицияхъ — наравне съ полками войска Донскаго, находящимися на Кавказе; а на кордонахъ — на основании 3 пункта ст. 517 кн. 3, части 4 Свода Военныхъ постановлений, деньги по полоснымъ ценамъ. Полки Гребенской и Кизлярской, на основании особаго Высочайшаго повеления, получаютъ обыкновенную дачу: овса на строевую лошадь въ натуре, а на сено производятся имъ деньги, наравне с прочими полками войска. Засимъ отпускъ фуража, определенный полкамъ по табели, приложенной подъ № ХУІ къ кн. 3, части 4 Свода Военныхъ Постановлений, прекращается. б/ Конно-артиллерийскимъ батареямъ, какъ въ экспедицияхъ, такъ и на линии, наравне съ регулярными батареями, на Кавказе находящимися.

3. Ремонтныя деньги: а/ Полкамъ — на вьючныхъ лошадей, по 21 р. 45 коп. серебромъ въ годъ, если полки и команды пробудутъ въ экспедицияхъ за кордонными линиями, въ течение года, не менее 4 месяцевъ и по 10 руб. 72 1/2 коп. сереб. если пробудутъ въ таковыхъ экспедицияхъ не менее 2 месяцевъ въ течение года. На кордонахъ же, въ замѣнъ ремонтныхъ денегъ, служащимъ урядникамъ и казакамъ отпускается на вьючныхъ лошадей по 8 руб. сереб. въ годъ отъ войска. За симъ отпускъ денегъ на фуражъ на вьючныхъ лошадей, по 3-му пункту ст. 517 кн. 3, ч. 4 Свода Военныхъ Постановлений не производится. б/ Батареямъ — ремонтныя деньги по 21 руб. 45 коп. сереб. на годъ, на вьючныхъ лошадей, за время экспедицій, на томъ же основании, какъ и полкамъ. На кордонахъ же въ замѣнъ ремонтныхъ денегъ, отъ войска, строевымъ, имеющимъ верховыхъ лошадей по 8 руб. сер., а ездовымъ при орудияхъ, зарядныхъ ящикахъ и обозе, равно ученикамъ батарейныхъ мастеровъ, по 4 руб. сереб. въ годъ.

Отпускъ денегъ на фуражъ для вьючныхъ лошадей также прекращается.

В виду того, что Положеніе предусматривает и включает в себе много мелочей, не интересныхъ для рядового читателя, дальше о содержаніи отъ казны, говорится сокращенно/

При потерѣ лошадей убитыхъ в дѣлахъ с неприятелей, они заменяются отбитыми у неприятеля, а при невозможности этого выдавались за каждую убитую лошадь по 21 р. 45 коп. серебромъ, но не иначе как с утверждения Главнокомандующаго отдѣльн. Кавказскимъ Корпусом.

Полки Кавказского Линейного Войска снабжались от казны ружейными и пистолетными патронами.

От артиллерийского же ведомства отпускались для полков ежегодно: порох, свинец и бумага на пополнение расхода боевых патронов, боевые и холостые патроны, порох и свинец для обучения "малолетковъ достигшихъ девятнадцатилетняго возраста".

Батарейам отпускались ежегодно для обучения "боевые заряды, снаряды, припасы и деньги на изготовление зарядов.

Больные офицеры и казаки пользуются за счет казны лечением в военных госпиталях и городских больницах.

б/ С о д е р ж а н и е и з ъ в о й с к о в ы х ъ с у м м ъ /излагается сокращенно/.

§ 141. На счет войсковых сумм относятся издержки: на жалование, столовые деньги и на провиант офицерам и казакам, отправляющимся на службу по внутреннему управлению войска.

На отпуск денег казакам взамен ремонтных денег, за время нахождения их на линейной службе и в кратковременных экспедициях.

На ремонт артиллерийских и подъемных лошадей, орудий, обоза, сбруи и пр. в конно-артиллерийской бригаде.

На выдачу офицерам и казакам заимообразно пособий при выходе на службу.

На прогоны чинам командируемым по службе.

На содержание войсковых лазаретов, учебных заведений и пр. предусмотренного штатом.

Выдача прогонных денег.

§ 142. Чины, пребывающие в Войске на льготе и вообще без должностей, не имеют права на содержание ни от казны, ни от Войска.

§ 143. ^МОфицера, не получающим жалования, при командировках по делам службы также производится содержание.

УШІІ. П р а в а и п р е и м у щ е с т в а В о й с к а.

§ 144. За неутомимую, верную и отличными подвигами мужества и храбрости ознаменованную службу Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, чинамъ его Все милостивейше жалуются права, присвоенныя чинамъ армии.

§ 145. На этомъ основании, служащимъ въ войске штабъ и оберъ-офицерамъ предоставляется право: а/ на получение, въ установленномъ порядке, знаковъ отличія безпорочной службы и орденовъ: Св. Георгия за 25 летъ и Св. Владимира, по ст. 178, 2 ч. 2 кн. Свода Воен. Постан. за 25 летъ; б/ на получение пенсий, на основании §§ 362 и 363 сего положения, и в/ на помещение детей въ военно-учебныя заведения, согласно §§ 449-452 сего положения.

§ 146. Всемъ чиновникамъ войсковаго происхожденія, служащимъ по гражданской части войска, присваиваются чины войсковые.

§ 147. Нижние чины Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, за безпорочную выслугу установленныхъ летъ, награждаются знакомъ отличія Св. Анны и нашивками изъ желтой тесьмы, по существующимъ правиламъ.

§ 148. Все лица войсковаго сословія избавляются отъ податей, поставки рекрутъ и, по силе Высочайшаго повеленія 7 января 1841 г. /14160/, отъ денежнаго сбора собственно на содержание земской полиціи.

§ 149. Войсковымъ жителямъ дозволяется право производить

торговлю и заниматься промышленностью на правах, въ §§ 395-401 село положения изъясненныя.

§ 150. Земли Высочайше пожалованныя Кавказскому линейному казачьему войску, предоставляются въ общественное владение войску.

§ 151. Оно пользуется всеми произведениями на поверхности определенной ему земли, какъ то: лесами, водами и другими угодыями, исключая только благородныхъ металловъ и минераловъ; сии последние, если бы открылись въ недрахъ войсковой земли, поступаютъ въ казну, за соразмерное вознаграждение за нихъ войску изъ суммъ Государственного казначейства.

§ 152. Кавказскому казачьему войску производится изъ казенныхъ запасовъ, безденежный отпускъ соли, по числу душъ мужескаго и женскаго пола, полагая на каждую по 2 пуда 5 фунтовъ. — Соль эта употребляется единственно на домашнія надобности казаковъ, и не подъ какимъ видомъ не должна быть продаваема людямъ къ казачьему сословию не принадлежащимъ.

§ 153. Войско, по Высочайшему повелению 20 января 1838 года, получаетъ ежегодно часть суммъ изъ откупныхъ питейныхъ сборовъ Кавказской области /§ 365/.

§ 154. Въ пользу войска предоставляется Всеплостивейше пожалованный ему доходъ отъ нефтяныхъ источниковъ при крепости Грозной /§ 365/.

§ 155. Кроме сихъ общихъ правъ, станицамъ 1 и 2 Волгскаго казачьяго полка въ особенности, оставляется въ пользовании, на предписанныхъ в § 151 условияхъ, три самосадочные соляные озера, пожалованныя Волгскому полку въ прежнее время.

Находящиеся при станице Есентуцкой щелочные минеральные источники поступаютъ въ ведение Дирекции Кавказскихъ минеральныхъ вод, за соразмерное въ пользу полка вознаграждение.

/ Продолжение следуетъ. /

ЧЕРНОМОРСКАЯ ТРАГЕДИЯ.

/Продолжение /

15-го марта 1920 г. в Туапсе, в гостиннице "Европа", состоялось совещание Кубанскаго Атамана, Командующаго Армией и лично в Туапсе команднаго состава группы.

На совещании присутствовали:

- 1-Кубанский Войсковой Атаман генерал Букретов.
- 2-Начальник Войскового штаба ген. Лещенко.
- 3-Командующий Кубанской Армией ген. Улагай.
- 4-Начальник штаба Армии ген. Стогов.
- 5-Член Кубанскаго Правительства по Военнымъ делам генерал Болховитинов.
- 6-Председатель Кубанскаго Правительства В.Н.Иванис.
- 7-Командир 4-го Коннаго корпуса ген. Писарев.
- 8-Начальник штаба корпуса полковник Караваев.
- 9-Командир 2-го Кубанскаго корпуса ген. Науменко.
- 10-Начальник штаба 2-го Кубанскаго корпуса полк. Егоров.

- 11-Начальник тыла группы ген. Гулыга.
- 12-Генерал-лейтенант Шкуро.
- 13-Генерал-майор Шифнер-Маркевич.
- 14-Начальник Черкесской дивизии ген. Султан Келеч Гирей.
- 15-Начальник штаба дивизии.
- 16-Начальник снабжения ген. В. Замбрицкий.
- 17-Начальник военных сообщений полковник И. Замбрицкий.
- 18-Инспектор артиллерии Кубанского Войска ген. Чумаченко и
- 19-Инспектор артиллерии 4-го Конного корпуса ген. Мальцев.

Совещание началось в 12 часов 20 минут.

Атаман Букретов. - В виду сложившейся обстановки необходимо выяснить взаимоотношения и обсудить дальнейший образ действий. Прежде всего желательно выслушать ген. Улагая, прибывшего из Новороссийска.

Ген. Улагай. - Надо разрешить вопрос удерживать ли занимаемый плацдарм или отходить в Грузию. В первом случае надо подготовить плацдарм и обезопасить жизнь. Сюда вмешивается вопрос о донцах, который надо разрешить отдельно.

Прежде всего - обстановка на фронте и еще прежде на фронте Новороссийском.

После того, как войска Юга России были разделены на две части, у Главного Командования и Командования Добровольческой Армии, было мнение, что Туапсинской группы войск уже нет, что она ликвидирована. Главным и Донским Командованием принимались планы отхода на Новороссийск и на тамань, но быстрое разложение войск все нарушило. Можно было ожидать худшего при эвакуации Новороссийска, но вопреки ожиданиям, несмотря на спирт, пожар и стельбу жителей по войскам, обошлось сравнительно благополучно. Сели на транспорты все, кроме некоторых частей войск, безоружных и беженцев. Все склады остались. Во время погрузки получилось известие о занятии войсками генерала Шифнера-Маркевича города Туапсе, - получилось оно, когда можно было двинуться туда, но оставшиеся на берегу войска совершенно разложились, вышли табором и стали в 6-7 верстах к югу от Новороссийска. Думаю, что они не пройдут, а сдадутся, или рассеются.

Появление на сцене Туапсе выдвинуло вопрос о спасении частей, туда идущих.

Погрузив Кубанцев в Новороссийске, я заручился согласием Главнокомандующего о движении на Туапсе транспорта с продовольствием и эскадры, но вопрос о прибытии продовольствия не разрешен еще окончательно, а два прибывшие миноносца не совсем надежны, т.к. им нужна нефть и Крымские берега.

Я обещал Главнокомандующему дать правдивую картину того, что делается здесь и быть на совещании в Феодосии, имеющем огромное значение.

Я хочу выяснить, останемся ли мы здесь, заняв Туапсе и Сочи, или эвакуируемся. Как мы это сделаем и какая помощь нужна со стороны Главнокомандующего, который сделает все что можно.

Вопрос с Грузией очень сложный. Я прошу начальника штаба дать боевую обстановку.

Полк. Караваев. - Войска группы сейчас действуют в районе Туапсе и по ту сторону хребта. В районе Туапсе непрерывные бои к северу и к югу, особенно напряженные в направлении Новороссийска. На юге вчера занято Аше и войска продвигаются дальше. По видимому здесь зеленые, но, может быть, и красные. Более серьезный противник с севера. По сведениям здесь 8-9 батальонов.

Вчера противник отброшен к Ольгинской. Надо ждать прибытия к нему подкреплений из Телинджика, но, примерно, дней через 10.

Генерал Науменко уже почти достиг линии Садовая-устье Пике. Кто действует у Садовой, пока, не выяснено, но проход нами занят. Группы противника в Садовой имеет связь с Ключевом.

Самое угрожаемое направление от Белореченской и Майкопа, где сосредоточены главные силы противника. Нанеся удар у Гиагинской, он давит по шоссе и горным тропам. Развивавшиеся здесь бои, пока, неудачны для красных, но ими заняты Тверская и Кабардинская, куда идут части генерала Бабиева, усиленные частями ген. Морозова. Вчера получено сведение, что занято Перевальное, но кем, неизвестно: или из Майкопа, или от горы Индюк. Перевалы к югу от Гойтх приказано сменить черкесами, но Начальник дивизии просит его дивизию не оставлять в районе Перевального, а всю перевести по эту сторону хребта.

Корпус ген. Шифнер-Маркевича продолжает развивать наступление на Сочи и, надо полагать, что его части могут пройти до какого угодно предела. Плацдарм есть. Теперь вопрос: перебрасывать туда войска, или оставаться в занимаемом районе?

Ген. Улагай - о настроении войск?

Полк. Караваев. - Корпус ген. Науменко, потерявший устойчивость после Усть-Лабинских боев, сейчас крепнет и усиливается. У Бабиева части крепкие. 4 Донской корпус небоеспособен. Кубанский отряд, по заявлению Войскового Атамана, крепкий. Всего у него 3 тысячи пехоты и около 1 1/2 тысяч конницы. Черкесы под Ставрополем были хороши, но, получив пополнение, потеряли боеспособность.

Ген. Султан Келеч Гирей. - Казаков у меня не осталось. Под Ставрополем они были, а когда ушли, не стало руководителей. Сейчас на 2 1/2 тысячи 10 казаков. Офицеров мало.

Полк. Караваев. - Таким образом, черкесская дивизия небоеспособна. Корпус ген. Шифнера-Маркевича после последних удач боеспособен, а сводный отряд ротм. Грауха, слабый числен, силен духом.

Ген. Шкуро. - У Муравьева Екатеринодарцев до 900 шашек, Уманцы и Запорожцы - дивизия отличная. Гайдамацкая дивизия, по докладу юмандного состава, не годится, а, по словам младших чинов, хочет воевать. Вчера Гайдамацкая дивизия отошла по вине ген. Муравьева. Ген. Бабиев говорил раньше об отходе, а теперь говорит о возможности наступления. Я стоял на этом всегда.

Атаман-Букретов. - Наступление необходимо для хлеба, иначе мы идем на голодные бунты. Теперь ген. Шифнер-Маркевич идет на Сочи, Науменко в районе Туалсе, идет Стариков. Саранча все съест, а что же будут делать 12 тысяч, прикрывающие со стороны Майкопа?

Ген. Шкуро. - Я всегда говорил о наступлении. Надо Бабиева усилить частями 2-го корпуса. Нужна пехота, которую у меня отобрал Войсковой Атаман и счел возможным дать ее Бабиеву. Я не мог, при таких обстоятельствах оставаться и отказался от командования.

Ген. Улагай. - Теперь как же мы решим вопрос: будем продвигаться, или эвакуироваться?

Ген. Букретов. - До тех пор пока я не знал о Новороссийской катастрофе, я определенно говорил об удержании. Сейчас же, когда Шифнер-Маркевич продвигается на юг, а здесь оставляют одного ген. Науменко, конечно, его надо усилить, что-то дать сюда. Сейчас против него перебросит все по железной дороге и, не наступая, будет морить голодом. Я боюсь, что все пойдет на Сочи. Нам надо подвезти, что можно и идти на Грузию. Я хотел ехать с Председателем Правительства в Грузию.

Ген. Улагай.—Значит готовить отход ?

Ген. Писарев.—Согласен, но удивляюсь отношению к Донцам. Их тоже надо использовать.

Ген. Шкуро.—Настроение 13-й бригады было отличное. В Апшеронской орудия и пулеметы взяли Донцы.

Ген. Писарев.—Надо перебросить и Донцов.

Ген. Улагай.— Ген. Науменко. Ваше мнение ?

Ген. Науменко.—Согласен с короткими ударами, если части на это способны, но плацдарм готовить до Сочи включительно.

Ген. Шифнер-Маркевич.— Короткие удары не дадут толку, хлеба не вывезем, потому что Буденный всех пугает. Вывоз крайне трудный. Дороги забиты. Я мало верю во все это.

Ген. Гулыга.— Хлеб нужен и взять его можно только сзади. Грузия говорит, что если вы все приедете в таком виде, то все мы погибнем. Добудьте хлеб и мы будем друзьями.

Ген. Болховитинов.— Идя за Кубань, мы думали, что там будет лучше, думали пройти в Лабинский отдел, но за Кубанью встретили враждебное к себе отношение, малые части встречались огнем, настроения которого надо было ожидать, нет. Дает ли выгоду пребывание в Туапсе при условии добычи продовольствия? Нет. Необходимо идти в Грузию, но надо знать, что хочет Грузинское Правительство. Если нас будут интернировать, то идти туда не согласен. Если дадут сносные условия, то вопрос один, а если мы будем обращены в беглых арапов, тогда надо просить транспорта и в Крым.

Ген. Улагай.— Значит надо удерживаться постолько, поскольку нужен хлеб. Теперь, если в Грузию, то с оружием или без него? Безусловно придется разоружиться. Перевозка из Грузии возможна и удобна, и на это Грузия согласится. В грузинском вопросе осложнение с Главным Командованием, а разрыва с ним допустить нельзя: мы все получаем от Главного Командования. Если мы получим хлеб, транспорт и эскадру, то это 2/3 дела. О политическом вопросе я бы хотел услышать от вас. /к Председателю Кубанск. Правительства/

В.Н. Иванис.— С Грузией выяснилось, что пропустят только казаков, переговоры только с казаками. О разоружении они не думают, но в тоже время подчеркивают вопрос о продовольствии.

Ген. Улагай.—Значит ответа не дали. Военных припасов, хлеба, флота и транспорта не дадут—у них нет. Они лишь откроют двери.

В.Н. Иванис.—Здесьшние люди случайные, а ответ могут дать только в Тифлисе.

Ген. Улагай.—Что значит в переговорах с грузинами выражение: Главное командование и казаки?

В.Н. Иванис.—Здесь подразумевается организация добровольческая и казачья.

Ген. Болховитинов.— Говоря про Крым, я говорю не о тяготении к отдельным лицам, а исключительно с военной точки зрения.

В.Н. Иванис.— Казаки на пароходах не поедут, а пойдут куда угодно по Кубани сухопутьем.

Ген. Улагай.— Если бы вы видели картину погрузки в Новороссийске, то так бы не сказали.

Иванис.— Если столкнемся с Грузией, то надо идти туда.

Атаман Букретев.—Я склоняюсь к Грузии, но хлебный вопрос серьезный; там его нам не дадут. Там нет ни хлеба, ни кукурузы. Переговоры надо вести и с Грузией и с Главным Командованием, не считаясь с личностями, а только с общим положением. Мы должны заявить, что ведем борьбу с большевиками. Разрыва с Главным Командованием быть не должно. /Оглашает телеграмму членов Рады

Белашева и Гончарова о решении Рады идти на Кубань, а не на Туапсе. / Я считаю, что сюда вести людей на голодовку нельзя. Если я сюда поведу, на голод-не пойдут. Я вернее отдам приказ, что я освобождаю их от присяги.

Многие генералы, вместо того, чтобы налаживать дело здесь, с первым поездом уезжают. Вопрос — желаем ли мы вести борьбу с большевиками или нет? Я определенно заявляю, пусть все генералы и полковники скажут: они погибли с казаками или нет?

Ген. Улагай. — Вы сказали, что делаете распоряжения?

Атаман Букретов. Я отказываюсь. Я бы только посоветовал так сделать.

Ген. Улагай. — Своим вопросом к генералам и полковникам вы спутали все карты. С этого надо было начать.

Ген. Шифнер-Маркевич Вели вы скажете, что освобождаете казаков от присяги, то это не выход.

Атаман Букретов. — Это не выход, но не выход и плацдарм.

Ген. Болховитинов. В Грузии если нет хлеба, есть кукуруза, а сила им нужна для борьбы с большевиками.

Атаман Букретов. — Им нужна сила, а не толпы народа.

Ген. Улагай. — Как вы резюмируете?

Атаман Букретов. — Не имея ответа от Грузии и от Главного Командования, я отсюда не уйду.

Ген. Шкуро. Вы бросили обвинение высшему Командному составу в том, что он желает уехать.

Атаман Букретов. — О присутствующих не говорю, особенно о генерале Шкуро, который один говорит о наступлении.

Ген. Улагай. — Надо делать перегруппировку, заняв пехотой опорные пункты.

Ген. Шкуро. — Еще одно соображение. Эта телеграмма/Белого и Гончарова/дает основание думать, что аннулированное постановление Рады о мире с большевиками, в жизнь проводится.

Ген. Букретов. — Конечно.

Ген. Шкуро. — А раз так, то кто же из Командного состава останется? Мне кажется, что здесь все спуталось. Решение Рады и решение наше сегодняшнее все путают. Чем мы будем руководствоваться?

Атаман Букретов. — Боев нет. Единственный серьезный бой был у Гойтх. Тут вот и вижу, когда Рада заговорила о мире, искра брошена в казаков. Я заявляю, что когда Рада постановит о мире с большевиками, я не Атаман. Я уезжаю.

Ген. Улагай. — Мы должны спасти тех, кто идет с нами.

Атаман Букретов. — Генералы Науменко и Писарев говорят, что надо отсидеться, но это неправильно: мы не отсидимся ни здесь, ни в Грузии, ни в Крыму. Большевики принимают все меры к прекращению борьбы и не обижают казаков.

Иванис. — Этого не будет. На пятый день начнется месть. Через месяц казаки восстанут.

Ген. Гулыга. — Мне Незамаевский станичный Атаман сказал, что в Незамаевской, Калниболотской, Кисляковской вспыхнули восстания, жестоко подавленные. 200 казаков повешено.

Ген. Улагай. — Значит мы решили, что надо двигаться на Грузию, значит надо снабжение, значит надо занять Сочи.

Иванис. — Представители Грузии решают, прибыв в Гагры, вызвать Председателя Комитета освобождения Черноморья Филиппов-

ского и переговорить с ним.

Ген. Писарев. - Надо занять Туапсе, Сочи и Адлер.

Ген. Болховитинов. - Раз Новороссийск занят противником, Черноморская губерния потеряла право на самостоятельное существование и, занятая нами, должна считаться освобожденной и оккупированной Кубанью, и мы должны считать здесь себя дома.

Ген. Писарев. - Раз так, то надо обезпечить население продовольствием. Я считаю, что это не так. Пусть управляются как хотят. Объявить, что воевать с населением и брать лишнего ничего не будем.

Атаман Букретов. - Давайте, Сергей Григорьевич, / к Улагаю / ставить вопросы: I / Куда отходить? Пляцдарм естественно. Куда отводить части, на Грузию, или в Крым? / При голосовании, решено II голосами отходить в Грузию /. 2 / Если Краевая Рада постановит мириться, что делать? Я считаю что надо вывести тех, кто этого захочет.

Ген. Шкуро. - Кто с нами, тех вывести.

В. Н. Иванис. - В случае решения мириться с большевиками, поручат это сделать Атаману и Правительству. Мы уйдем в отставку.

Атам. Букретов. - 3 / Продолжать ли удерживать район и наносить короткие удары? Этот вопрос решит Командующий армией. / Обращаясь к Улагаю / - Желание наше чтобы вы попросили Главнокомандующего подбросить нам муки, огнестрельные припасы и транспорты для переброски беженцев и Донцов в Крым.

Ген. Улагай. - Это вопрос очень сложный. Нет нефти. Надо наметить пункты, где начать эвакуацию.

Атаман Букретов. Назначьте инженера Шайковского начальником проги. Он все сделает.

Ген. Улагай. - Теперь вопрос с Грузией. Как будем? Желательно, чтобы ехали вы / к Атаману /

Атаман Букретов. На чем же я поеду?

Ген. Улагай. - Найдется, но надо снестись с Главнокомандующим.

Ат. Букретов. - Надо просить эвакуации в Крым.

Ген. Улагай. - С Донцами вопрос так: - я послал просьбу Главнокомандующему о приезде сюда Командования Донской Армии.

Ген. Писарев. - Донской корпус ныне сосредотачивается в Карповке.

Ат. Букретов. - А черкесы пойдут в Грузию?

Ген. Султан Келеч Гирей. - Несомненно. Куда пойдут я, туда пойдут и они.

Иванис. - Вопрос с беженцами. Их надо теперь же вывозить.

Ген. Улагай. Сначала надо вывезти служилых, больных, раненых, администрацию и пр.

Атаман Букретов. - Как вы думаете решить боевую задачу?

Ген. Улагай. - Я направляю ген. Шкуро с ген. Шифнером - Маркевичем вперед. Здесь всю группу объединит ген. Писарев, на Перевале группа Бабиева.

Теперь крайний случай. Если создастся обстановка, как в Новороссийске, я попытаюсь достать транспорты, а тем, которым у большевиков остаться нельзя, надо группироваться.

Таким образом, результатом совещания 15-го марта было решение продолжать борьбу, активно обороняться и расширять занимае-

мый плацдарм, в случае неустойки, отходить в Грузию, которая, по заверению Председателя Правительства Иваниса, пропустит армию на свою территорию. Возможность каких бы то ни было переговоров с большевиками исключалась заявлением Атамана ген. Букретова и Председателя Правительства Иваниса о том, что они на переговоры с большевиками не пойдут.

После совещания, ген. Улагай немедленно выехал в Крым для доклада Главнокомандующему о положении дела на Черноморском побережье.

5.

Кубанское Правительство, оставаясь в течение нескольких дней в Туапсе, обратилось к населению Черноморской губернии со следующим воззванием:

**"К НАСЕЛЕНИЮ ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ОТ КУБАНСКОГО КРАЕВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.**

Доводится до сведения населения Черноморской губернии, что Кубанское Краевое Правительство вступило в пределы губернии исключительно в силу сложившейся военной обстановки.

Никаких завоевательных целей по отношению к Черноморской губернии Правительство не преследует и ведет борьбу только за свободу Кубани и только с большевиками. Никто не будет обижен, если не поднимет оружия против Армии.

Кубанское Правительство считает своим долгом бороться со всеми злоупотреблениями, ограждая жизнь, честь и достоинство населения.

Поэтому Кубанское Правительство приглашает все население губернии оставаться спокойным и заниматься мирным трудом.

Кубанская Краевая Рада 16 марта прекратила свои заседания, предварительно обнародовав следующее обращение к Армии:

КУБАНСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КРАЕВАЯ РАДА КУБАНСКОЙ АРМИИ.

16 марта 1920 г. с. Елизаветпольское.

Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада, временно прерывая свои занятия, передав часть своих полномочий Законодательной Раде, приказывает Кубанской Армии:

При невероятно трудных условиях, как и два года тому назад, Кубанская Краевая и Законодательная Рада, Войсковой Атаман и Краевое Правительство с Кубанской Армией снова ушли за Кубань потому что не могли и не хотели, как и тогда, подчиниться насилью. Ушли затем, чтобы продолжать борьбу до тех пор, пока Кубанский Край не будет освобожден от большевиков и огражден в будущем от всяких насильственных посягательств, откуда бы они не исходили.

Благославляя Кубанскую Армию на ее трудный подвиг, Краевая Рада объявляет всем, что между нею, Законодательной Радой, Войсковым Атаманом и Кревым Правительством существует полное согласие, и работа их — это объединенная работа, направленная к одной цели: скорейшему освобождению Кубани и созданию условий для мирно трудовой жизни.

Краевая Рада напоминает всем, что, согласно конституции Кубанского Края, Войсковой Атаман является главою вооруженных сил

Края и приказывает всем чинам Кубанской Армии от казака до генерала исполнять все приказы Войскового Атамана.

Мы никого не собираемся завоевывать, но пусть и нам никто не мешает устроить жизнь так, как хотим мы.

Мы ведем войну не ради войны, а ради мира, но пока не будет освобождена Кубань, ни о какой мирной жизни не может быть и речи.

Не путем оружия и насилия мы войдем в состав будущей России а путем сговора и соглашения.

Пусть никто не слушает то, что Рада, Атаман и Правительство ушли в Туапсе. Краевая Рада заявляет, что каков бы ни был наш путь, цель у нас одна — освобождение Кубани. Помните, что во время первого похода Рада, Атаман и Правительство, ушедшие из Екатеринодара за Кубань, пришли в Екатеринодар через Мечетинскую.

Пусть не смущают вас и те, кто сейчас уезжает, а может быть и еще уедет от нас. Будем знать, что те, кто останутся, те настоящие наши друзья. Мы же будем рассчитывать больше на свои силы и на объединенную работу Законодательной Рады, Войскового Атамана, Правительства и Армии.

Краевая Рада приказывает каждому из них исполнить свой долг., а тогда впереди мы скоро увидим и освобожденную Кубань и мирную жизнь.

Кубанское Правительство покинуло Туапсе около 20 марта. Председатель Правительства выехал в Грузию, где вступил в переговоры с Председателем Комитета Освобождения Черноморья. Переговоры эти не дали положительных результатов. 22-го марта из Туапсе выехал в Сочи, взятые к тому времени войсками Шкуро, Войсковой Атаман Букретов.

В Туапсе остался, объединяя командование войсками и осуществляя гражданскую власть, генерал Писарев.

/Окончание следует./

В. Н а у м е н к о.

ОТРЫВОК ВОСПОМИНАНИЙ

О ЖИЗНИ НА КУБАНИ В ШЕСТИДЕСЯТЫХ И СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ ПРОШЛОГО ВЕКА.

Станица Динская во время дошкольного моего детства была сравнительно небольшая, населенная почти исключительно казаками и все знали друг друга. Даже я, будучи мальчиком, знал очень многих по фамилиям. Нужно сказать, что меня отвезли в гимназию, когда мне было почти 11 лет, т.ч. я уже мог наблюдать и осмысливать многие стороны станичной жизни.

Бывало сидишь на заборе и смотришь, что происходит на площади, кто проходит мимо и считаешь: — "Это прошел Рогач, это Винник, Степанченко, Бошка, Бут и т.д. и т.д." Это бывало летом; зимою не будешь стоять у забора — холодно.

Летом в будни станица пустынна, безлюдна: все в степи на работах. По воскресениям же и праздникам станица преобразилась.

Уже с раннего утра площадь покрывалась кибитками косарей, подводами приехавших к обедне хуторян, возами немногочисленных торговцев-казачков, привезших продавать рыбу/были специальные рыболовы/, яблоки, арбузы, мед и т.п. Тогда базаров еще не было,

не было и базарной площади.

На церковной площади, по воскресениям и праздникам была масса народу и стоял гомон человеческих голосов.

В 7-8 часов утра начинают звонить к обеду.

Первый удар колокола не вызывает никакой реакции, при втором только немногие снимают шапки и крестятся. С третьим же ударом, вся площадь обнажает головы и усиленно крестятся.

Объясняется это существовавшей тогда поговорко-поверием:

.. "Первый звон чортам, другой панам, а третий - нам".

Очевидно в силу этого и крестились только после 3-го удара колокола.

Начинается служба. Народу на площади стало меньше: многие ушли в церковь. Церковь тогда была небольшая, всех вместить не могла и многие оставались в ограде.

По окончании обедни все торпились домой обедать/ибо с утра до окончания обедни есть не полагалось/.

Приезжие хуторяне поспешно запрягали лошадей или быков и тоже уезжали. На площади оставались только подводы торговцев да кибитки косарей/это в мае-июне/. Многие хуторяне тут же нанимали косарей и увозили их с собою. Площадь совсем пустела и только часа в 3-4/во время косовицы/ появлялись хозяева-казаки нанимать косарей и на площади опять наступало оживление.

Но зато станица оживала: часов с 12 - 1 ч. из разных сторон станицы стали слышаться хоры "дивчат" и "парубков".

После обеда/в праздники/ старики ложились спать/"отдохнуть", а молодежь выходила на улицу, составлялись группы и образовывались хоры.

Замечательно, что когда парубки и дивчата сходились вместе, никогда вместе не пели. Всегда дивчата пели женским хором свои песни, а парубки мужским - свои.

Я очень любил слушать эти песни. Они слышались то вблизи, то вдаль; то приближались, то удалялись; то дивчат, то парубочьи. Летом эти песни раздавались по субботам вечером, когда молодежь приезжала со степи и по воскресениям днем. Целую же неделю станица была мертва, только раздавался лай собак по вечерам. Певучая же молодежь была в степи и приезжала только в субботу. Осенью же, зимой и ранней весной песни раздавались по станице ежедневно с сумерок до позднего вечера.

С наступлением сумерок, где-нибудь вдаль запел мужской голос. Это парубок, раньше повечерявший и управившийся с хозяйством, вышел гулять на улицу. Вскоре к этому голосу присоединился другой и поют уже вдвоем-это тоже управившийся по хозяйству парубок вышел погулять; затем третий, четвертый... и через какие-нибудь пол часа уже поет целый хор парубков. Также образуются и женские хоры. Эти гуляния по станице назывались просто "улица".

"Улица спива", "ходить на улицу"-значит участвовать в этих гуляниях.

Этим определялся даже возраст парня или девушки. "Вин/или "вона"/уже ходе на улицу"-это значит, что парню 15-16 лет, а девушке 14-15.

Парубки и дивчата расхаживали по станице, сходились иногда, но вместе никогда не пели. Играли, гонялись друг за другом, танцевали под "сопилку" или скрипку с бубном, позже-под гармошку. Подробностей этих гуляний я не знал, ибо "на улицу не ходил"-мал был, а потом/11 лет/ отвезли меня в гимназию в Ейск. Брат же мой-Николай "ходил на улицу", имел даже бубен на

котором играл/вернее- барабанил/"на улице". Дома он надоедал своим бубном, упражняясь на нем, чем не мало раздражал мать. Однажды, за что-то рассердившись на него, она взяла "сокиру" /топор/ и изрубила злополучный бубен.

На ночных гуляниях станичной молодежи завязывались знакомства, образовывались симпатии и в середине осени/с Покрова, 1-го октября/начинались свадьбы. На этих "улицах" складывались взаимно симпатизирующие парочки; при этом дивчина обязательно должна была презентовать своему "предмету" подарок, а именно -- кисет для табака; в этом подарке дивчата соперничали друг с другом: кто лучше вышьет кисет для своего парубка.

Уличные гуляния молодежи обычно проходили мирно, но нередко были и уличные драки. Обыкновенно один край станицы враждовал с другим. Члены того, или другого края назывались "краинцами".

-Це наш, а то краиниць !

Поводом к вражде между краинцами или личные раздоры между коноводами, которые назывались "парубоцькими старшинами", или, чаще, как это бывает во всем животном мире, враждовали из за самок. Ухаживание парубка одного края за дивчиною другого, наиболее являлось причиной раздора между краинцами и поводом для уличных драк, которые нередко бывали довольно жестокими. Если такие драки принимали ожесточенный характер и дрались не только кулаками, но и палками, для чего выдергивались из "лисы"/плетня/колья, чем портили ограду, то соседи давали знать в станичное правление и дежурный помощник атамана посылал полицейских казаков, те прекращали драку и арестовывали неуспевших убежать, участников ее.

На утро станичный атаман разбирал дело и, если находил проступок легким, то или отпускал арестованных или, в наказание за буйство, заставлял их полоть на церковной площади или на улицах бурьян. И нередко, бывало, видишь утром несколько сконфуженных фигур хлопцев, лениво сбивающих сапами бурьян/колючки/, который они потом должны стрести и сложить в кучи.

Если дело было серьезное; то атаман передавал его в станичный суд или мировому судье. В очень редких случаях, когда дело кончалось смертоубийством, оно переходило в окружной суд; приезжал следователь, виновные в убийстве арестовывались и сажались в тюрьму до раздора дела.

Станичный суд присуждал виновных или к аресту на несколько дней, при станичном правлении, или к наказанию розгами, каковое наказание производилось тут-же, во дворе правления.

Помню, бывало, после полудня, когда судьи собирались/только после обеда в 2-3 часа дня/, слышались крики и стоны наказуемого.

Наказание розгами по приговору станичного суда, бывало нередко и по другим поводам. Помню, сосед наш Пелипенко пожаловался на своего сына Ивана, что он непочтителен к нему и обижает его. Ивана, по приговору суда выпороли, а потом соседи над ним посмеивались.

Для таких экзекуций при станичном правлении всегда был запас розок.

Не помню когда был упразднен этот обычай. Когда я учился уже в Екатеринодаре/с 1875 года/ и бывал летом дома, то не помню, чтобы происходили порки в станичном правлении.

В воскресный день, кроме песен парубков и дивчат, после обе-

да раздавались звуки трубы— это трубач сзывал на станичный сбор, для чего он ходил по станице и трубил. Звук трубы слышался то в одном, то в другом краю станицы—то близко, то вдали.

Прежде станичные дела решались не выборными от 10-ти дворов, как было в последнее время, а созывались на станичный сход все казаки станицы, отслужившие действительную службу в первоочередных частях и перечисленные во вторую очередь.

Эти сборы, или сходы происходили прямо на станичном дворе. Образовывался круг присутствовавших, а в середине атаман с писарем, докладывал дела и руководил сбором.

Участники станичного сбора назывались "стариками". Атаман так и обращался к ним—"Господа старики!", хотя добрая половина схода таковыми не была.

После схода "старики", разумеется не все, направлялись в кабак и там происходили беседы об общественных и частных делах.

К вечеру слышался из кабака гомон и песни "стариков".

Некоторые казачки, не дождавшись своего "старика", направлялись в кабак и оттуда выводили их.

Воскресный день в станице заканчивался песнями молодежи, раздававшимися с разных сторон до полуночи.

С понедельника и до субботы станица замирала. В ней царил тишина, изредка нарушавшаяся погребальным колокольным звоном.

—"Щось умерло!"—говорили в таких случаях.

Покойника выносили после стевания в церкви и несли на кладбище.

В большинстве случаев, летом сопровождало покойника мало людей, иногда душ 5-10. Но всякий покойник провожался с плачем и громкими причитаниями женщин—матерей, жен, дочерей.

Эти причитания были обязательными и указывали на степень утраты. Чем больше и громче "голосили"/так назывался плач по покойнику/, тем, значит, дороже он был, тем тяжелее урата.

+ Д-р С.М.М а щ е н к о .

БРАТЦЫ, СПАСИТЕ...!

— Братцы, спасите...! Отчаянный вопль, душу раздирающий крик обреченного неминуемой смерти... Крик нечеловеческий, крик как стон или рев звериный, крик раненного зверя, которого настигает погоня и вот-вот собьет с ног и раздавит, вонзят острые клыки и задушит...

—Та-та-та... Жесткие выстуки пулеметов затокали, заглушив крики доктора Садовского, бежавшего в нашу сторону вслед за конем. А через миг доктор Садовский лежал, простершись в дорожной пыли, раздавленный сотнями лошадиных копыт, мчавшейся в погоне за нами неприятельской конной части.

Должно быть испуганный конь вырвался недавни вскочить на себя, а онемевшие от страха руки, не имели силы сдержать его.

Миг короткий, принесший смерть доктору Садовскому и не больше секунд звенели в моих ушах его предсмертные крики о помощи. И сразу затем завязавшийся бой с противником, шедшим в обход нас со стороны ложины и речки, увел нас далеко от места гибели доктора Садовского.

— Что же вы своего коллегу оставили ? спрашивал меня адъютант Галушка. В его вопросе не было упрека. Галушка любопытствовал только подробностями происшествия.

— Сам, бедняга, замешкался. Тут не до приказов, когда тепленькие из хат, в чем были повыскакивали. Заставы наши видно проворонили. Час был ранний. Разведка наша не обнаружила противника, к тому же с вечера имели сведения, что с нашего левого фланга до самой станицы Успенской, противника нет. Поэтому и заночевали в станице с большим комфортом и некоторые расположились на ночь совсем по-домашнему.

Доктор Садовский совсем молодой врач, казак одной из закубанских станиц, поступил в нашу часть в станице Егорлыкской, узнав о нашем походе с Дона на Кубань.

— Возьмите меня, коллега-пригожусь в походе. Мне бы только до Тихорецкой добраться, а там я отсижусь до скорой поры, когда путь до родной станицы откроется. В Тихорецкой родня моя кое-какая проживает.

Командир полка не отказал моим хлопотам за доктора и пошли мы вместе.

— Теперь, говорит Садовский, не сегодня-завтра дома будем. Конец походам. Задохнется наш противник. Взяли мы его в кольцо. Что может поделаться какой то фельдшер Сорокин, их командующий, с нашими природными вояками ! Раздавим вдребезги! — мечтал мой юный коллега, раскачиваясь в такт размашистого шага рослого донского коня.

Садовский редко молчал. Его силы, молодость и темперамент 26-ти годов не давали покоя его мыслям. Обо всем ему хотелось знать: и про Первый Ледяной поход, и про Корнилова и про Кубанскую Раду. Садовский не был на Кубани много месяцев и, отсиживаясь в Ростове, после приезда с Румынского фронта, ждал удобного случая поскорее вернуться в свою родную станицу.

Слово за слово, рассказал мне Садовский про себя все то, что было для него в это время самым главным и волнующим. Понял я парнишку очень хорошо, услышав от него самого про себя и про тайные и явные его мечтания и планы на будущее.

Почему случилось так, что все ушли от внезапного налета на станицу, а он, бедняга, не миновал попасть в лапы вражьих, чего так боялся — думал я.

— То, что случилось с доктором Садовским в день внезапного нападения красных на станицу, где мы заночевали в пути, — неожиданная смерть всегда стерегущая кого-нибудь из нас, — бывало и раньше. Еще только вчера, в разъезде, был смертельно ранен в живот сотник Федоренко и, недолго помучавшись, отдал Богу душу.

Даже и горевать некогда, только смыкаются ряды оставшихся в живых и снова в путь, в ратный поход, где всюду засады и стерегущий зорко враг встает на пути и сеет по нему смертоносные пули.

И завтра, и много дней впереди, а может быть, и месяцев, будут падать раненные и умирать на путях и полях бранных. И, трепеща предсмертным дыханием, быть может, будут скорбеть, что приходит нежданный и страшный конец их стремлениям, когда, казалось, уже близок тот желанный покой и счастье возвращения в родную станицу, в родную хату.

Раздавленный конями, затоптанный в пыль, мертвый, безжизненным телом распластанный, лежит и над ним стоят испуганные казачки и казаки, качают головами, жалеют и горюют безмолвно, боясь выдать душевную боль и горькие чувства скорби о смерти казака.

Злые, зоркие глаза иногородних глядят за тем, чтобы казакам, корниловцам и кадетам не было ни жалости, ни пощады.

Теперь я еду один, или с полковым адъютантом, веселым балагуром и шутником. Адъютант разудалая, неунывающая сорви-голова говорит, говорит, усмехаясь, своим же шуткам. Слова, как ветер и шорохи шагающих в мягкой пыли коней и невнятный тихий говор идущей сотни, обвевают сплошными звуками, недоходящими до сознания ни единым отражением совершающегося вокруг действия.

Я думаю о докторе Садовском и о том, что слышал от него за короткое время похода вместе с ним с Дона и до той злополучной станицы, которая принесла смерть моему недолгому спутнику. Вот только вчера мы были мы были в походе рядом с доктором Садовским и, как всегда, он, по обыкновению, почти не умолкал в разговорах.

— Говорят война страшная вещь, рассуждал Садовский. Ничего подобного: одно развлечение для меня было. Я, как младший врач, в полку, да еще зауряд-врач, — нас из университета сразу как на пятый курс перешли, мобилизовали и отправили на фронт, — ничего не делал. В полку старший врач толковый был доктор из земских врачей и у него то я и доучивался медицинскому делу. Он меня обычно важно спрашивает: — Коллега, как ваше мнение? Я было вначале пытался как можно посерьознее и получше обосновать свое мнение, но потом взмолился при тщете моих стараний и говорю, прямо начисто: — увольте меня от этого дела. Какое мое мнение может быть, когда я по настоящему с больными соприкаательства не имел. Мое мнение, говорю, всецело солидарно с вашим.

Ясно, что старший врач все самолично делал, да ему больше фельдшера помогали. И, к моему счастью, пока полк наш на позицию не стал, работы вообще было не очень много.

Стояли мы в резерве, в польском местечке. Недалеко от него было красивое, богатое поместье князя Радзивила. Богатейший в Польше князь. Где ни есть хорошее место, парк, или усадьба наилучшая — там обязательно князя Радзивила окажутся. Наш полк был в местечке, а мы — врачи и офицеры, квартировали в этом самом имении. Как на курорте жили. Управляющий пожилой, вдовый, но живой и толк понимающий не только в хозяйстве, но и во всех деликатесах жизненных.

Хозяина самого князя Радзивила, естественно, в таких прифронтовых местах не было и управляющий чувствовал себя в имении полным господином, вельможным паном, как выражаются в Польше.

— Чувствую, говорит управляющий мне, как то однажды в приятном расположении духа и откровенности после хорошего ужина и старого, как говорится в романах, доброго вина: чувствую, что этому родовому имени князей Радзивилов приходит конец. Немцу нема стопу, не устоим мы. Варшаву уже взяли, Лодзь накануне паде — ния. Еще две-три недели и будет нам крышка, и тогда, прощай наш замок и сокровища в нем веками собранные. Вывести не сумеем. Немцам же я и сам живым не сдамся и нитки живой не оставлю. Сам все пожгу, чего с собою взять не сумею. И когда мне это придется сделать то не только вас самих, но и следа вашего и духу здесь уже не будет.

— Полно вам, пане, высказывать столь печальные, пессимистические предвидения — говорю я. Мы немцев в порошок сотрем. Это, мол, как говорится, стратегический маневр в нашем отходе.

— Вы, говорит управляющий, хоть и молодой человек, и казак душой, но в политике и вообще взрослого дела, извините, как свинья

в ашельских, не смилите. И это не плохо: все в свое время Вы, говорит, мне нравитесь и вижу, что Вы парень хороший и честный и вам поверить мою самую большую заботу можно. Вы не слукавите и потому, что корысти у вас нет и по рыцарски, по джентельментски поступите и меня, старика, не обманете, и ее-Стасю не обидите.

И признался мне управляющий, что живет у него в замке панночка и что он боится за ее судьбу. Отправить ее на родину нельзя ибо Варшава, откуда она родом, в руках немцев. Панночка эта- Стася вдова его большого друга офицера, убитого недавно на войне. В других местах России у Стаси нет никого ни родных, ни знакомых. Оставить же ее здесь в такое тревожное время очень опасно.

- Мне самому, говорит управляющий, как солдату, придется остаться на посту и сторожить вверенное мне имущество. Возьмите, говорит, на себя такое доброе дело и отвезите ее в свою станицу. Это так далеко отсюда: и место надежное, и туда немцы уж никак не доберутся. Вам же это доброе дело на этом и на том свете зачтется, да и я в долгу перед вами не останусь. Снарядим вас на дорогу и самое ценное и дорогое с вами обоими отправим. А потом уж, в самую последнюю минуту и сам я к вам приеду, если такая будет воля Божия, что придется мне, старику, покинув родное, насаженное место, добраться до Кубани. Панна Стася добрая, тихая и хлопот с нею вам никаких ни в пути, ни в доме ваших родителей не будет и будет она даже помощницей им не плохой.

-Что, батенька, говорю я, вы придумали. Такую серьезную миссию на меня возлагаете и такие сокровища как Стасю и с нею драгоценности везти да еще в такое серьезное время!...

-Именно вам то и пристало все это дело, отвечает управляющий. Я, говорит, обо всем рассудил вполне серьезно и, сколько не прикладывал в уме и примерял людей для этого дела, а лучше вас никого не имею предпочесть. И от вас, можно сказать, зависит судьба бедной женщины и моя тоже.

Благодарю, говорю, за доверие и мне очень это лестно, но во-первых, мне отпуска не дадут- они запрещены теперь, во-вторых, это дело не по моим плечам, а самое главное и очень серьезное: слажу ли я со своими родителями. Они у меня люди старого порядка, как бы не запротестовали, тем более что будет им подозрительно, если я да вдруг привезу дамочку, да еще со всеми сундуками и багажем не малым.

Воля ваша, печально промолвил управляющий, неволить я никого не могу. Только подумайте хорошенько обо всем и, если решитесь, все остальное- с отпуском и с родителями вашими устрою. А что вы, казак, да молодой, да толковый не доведете дамочку с багажем, тогда извините за выражение, вы не казак, а курица...

И устроил ловкий человек, умный и дошлый деляга и все входы и выходы знал: и отпуск у командира устроил, и для Стаси из уездного города привез документ, в котором значилось, что предьявительница сего находится под покровительством князя Радзивила, что ей, в виду опасности вторжения неприятеля предлагается оставить место ее пребывания и, по своему усмотрению, выбрать место для жительства в пределах Российской Империи. Ввиду особых заслуг ее покойного мужа перед Отечеством, защищая которое, он пал в бою с неприятелем, просят все власти оказывать всяческое содействие подательнице сего Станиславе Казимировне Пржебиславской, урожденной княжне Масальской.

-Ловко, изумился я, продолжал свое повествование Садовский.

Теперь, значит, дело за мною. Значит в путь, во дорожку. Когда же нас выпроваживать будете ?

— При первых к тому серьезных подозрениях на плохой поворот немцев в сторону нашего имения.

Мне отговариваться, при таких условиях, и в голову не приходило; да я без памяти был рад, от одной мысли, что у себя на Кубани побываю. Я никак не думал, что из моих добрых порывов и благородных чувств, совсем другие порывы и чувства вырастут и заведут меня гораздо дальше чем одно рыцарское препровождение чужой дамы в места далекие от неприятеля. И, к тому же, я эту Стасю в лицо не видел ни разу, а только слышал от пана Мочульского, так звали управляющего, что уж такая корошная и красивая панна Стася, и добрая и симпатичная.

Ждать долго не пришлось. Стали немцы нажимать и продвигаться все ближе и ближе. Стали уже поговаривать о передвижении нашего полка. Тут заторопился пан Мочульский с отправкою нас отсюда на Кубань.

Снарядили, вещи упаковали в прастые с виду, старинные, чемоданы. Много всяких вещишек драгоценных позачивали мне и Стасе в одежду. Особо ценные вещи пан Мочульский просил все время держать при себе и глаз с них не спускать.

Пока шли приготовления и сборы, познакомил меня пан Мочульский со Стасей и вплоть до самого последнего дня, мы с нею делились почти ежедневно.

Вначале показалась мне Стася очень гордой, надутой чванством и важной; но как потом я прекрасно понял, Стася вовсе не по природе своей важничала, а вела себя с тем достоинством, к которому ее обязывало ее положение именитой и вельможной панны, урожденной княжны Масальской. Ее родовитость и, связанные с нею правила и этикет, придавали Стасе очень парадный вид, так сказать салонный.

Как я уже сказал, я рад был свою родню повидать, а, кроме того нечто вещественное и для моего сердца особенно приятное пан Мочульский подарил мне: расчудесное охотничье ружье французской высокой марки Лепажак и к ружью, тоже высокосортные всевозможные причиндалы: ягдташ, патронташи и всякую прочую к охоте принадлежность. Даже сапоги охотничьи и куртку. И еще обещал пан Мочульский, что, если Бог приведет живым быть и до станицы добратся, то и того больше отблагодарит.

Я ему верил. Очень он ко мне расположился душою и только одному мне Стасю доверил.

Умный был пан в делах и практичный, осторожный, весь в нутре своем скрытый, а снаружи мягкий, улыбчатый, приветливый и даже ласковый до приторности, особенно с начальством. Он людям вообще не доверял, а мне верил. И не то, чтобы Мочульский меня не разгадал или я в отношении его подлецом оказался, но насчет Стаси очень ошибся.

Не знаю, философствовал Садовский, правильно ли я думаю, но сдается мне не безкорыстно и лелеял ее для себя и из всех сокровищ о ней именно беспокоился больше всего. А вот тут и вышел, что называется, скандал в благородном семействе. Оказалось, что Стася, на поверку, в действительности для меня превратилась из красивой, важной, гордой полячки, ясновельможной панны, недоступной и недосыгаемой, в мою нареченную невесту, стала для меня самой обаятельной и лучшей в мире женщиной. Теперь для меня Стася самое родное, милое и любимое существо на свете.

Лицо Садовского засветилось при этих словах таким искренним обожанием, голос даже притих, даже оборвался молчаньем. Будто пришедшее видение Стаси закрыло для него все в этот момент.

Помолчав некоторое время, Садовский продолжал:

— Еще до отъезда нашего на Кубань, при встречах со Стасей, приглядываясь к ней и привыкая немного, я увидел в ней многое, чего не приходилось мне видеть до этого в других женщинах.

Стася была совершенно естественна в своей манере говорить, двигаться, делать что-нибудь и даже смотреть. И эта ее естественность придавала простоту всему содержанию и значению ее слов и поступков.

И была она нежная, в меру полная и миленькое личико, немного пухленькое с мягкими щечками с ямочками на них и маленькими тонко очерченными губами. Длинные локоны обрамляли личико, а пряди белокурых волос ниспадали от пробора и прятались в тугие жгуты пышной и низкой прически с большим черепаховым гребнем, с крупными жемчугами на нем. Платья на ней были удивительно простого покроя и стиля, без особых там складочек, оборочек или фишешек, но поразительно к ней шедшие и подчеркивавшие все достоинства ее фигуры и оттенявшие цвет ее лица и волос и в полной гармонии были слиты с ней в одно очарование для глаза.

Конечно я, как и все, подчинился этому очарованию панны Стаси и был вскоре не только укрощен в своей дикости и некоторой сторожкости или застенчивости, но и покорен, и, кроме удовольствия от встреч со Стасей ничего не испытывал уж больше.

Стася же соскучилась в своем вынужденном затворничестве и рада была моим посещениям.

Разумеется, в начале и в ближайшие за первым знакомством дни у меня никаких даже и посторонних нескромных мыслей не было. Тех самых мужских мыслей и дерзаний, какие рождаются при виде красивых женщин, особенно в условиях фронтальной жизни, где женщины редки и мысли о них бывают напряжены как у голодного при виде вкусной пищи.

Повторяю— Стася была для меня недостижимой женщиной и, если все потом изменилось, то только под влиянием простоты, непринужденности и той мягкости обращения, которые меня покорили и обезоружили.

Однажды, как это бывает во всех писанных и неписанных романах, как раз накануне нашего отъезда, собрал пан Мочульский своих близких друзей, пригласил командира полка, старшего врача и полкового адъютанта на прощальный, "отвальный" ужин. Сервирован он был по княжески, и вина из княжеского погреба, и всякие закуски тоже из княжеских запасов. Пышно убраный стол с серебряными блюдами, дорогим фарфором и хрусталем. Прислуга в livree и во всем параде. Только мы-гости не в параде, а по походному в гимнастерках и в сапогах, а приятели Мочульского в штатских, цветных пиджаках.

Нам, потом, Мочульский объяснил свою затею желанием достойным образом обставить этот прощальный вечер: Быть может в последний раз, говорил Мочульский, эти стены увидят пышный пир и княжеское убранство стола.

— Как пожар пришла война, сказал он, и, как огонь похрет в пламени все достояние князя, как случилось это в других его именинах, разграбленных немцами. Князь не обеднеет, но и никто другой

не сможет воспользоваться его богатствами.

Вас же прошу, обратился он ко мне, спасти самое дорогое для князя — Стасю и столько имущества и дорогих вещей, сколько она сможет вывезти. От князя же у меня приказ — чего нельзя зарыть или спрятать — все сжечь, уничтожить.

— Послушайте коллега, говорю я Садовскому не вытерпев, вы про кого мне все это заливаете? Из какого авантюрного романа все это вы вычитали, и себя в герои подставили, и плетете мне, хотя и интересную, но уж очень складную и невероятную выдумку.

— Что вы, что вы! — даже испугался Садовский, боясь, как бы я наотрез не отказался верить его рассказу про то большое и очень важное, что случилось в его жизни. — Все, что я вам говорю, суццая правда и говорю вам это не зря. Когда кончу свой рассказ о том как я Стасю в станицу доставил, буду низко кланяться, нас с нею навестить. Это, если все счастливо, благополучно в нашем походе будет и мы невредимые придем к цели. Ну, а если что случится, коли меня шальная пуля зацепит или иным путем жизнь мою оборвет, то еще ниже поклонюсь если не оставите моей просьбы втуне. Но об этом после; когда больше откроются тайны моего романа, в котором я действительно чувствую себя героем. И могу побожиться, что ни одного лишнего слова или лжи в моем рассказе нет.

— Тем, конечно, интереснее слушать. Хотя обстановочка совсем не для литературных занятий даже в форме устного романа из жизни казака и доктора Садовского; — шучу я.

— На чем же я остановился. Да вспомнил.

Настал день отъезда. Подхожу теперь ближе к той сути, которая в романах называется интригой. Торопись надо с рассказом, потому, что едем мы с вами на конях, а не в купе спального вагона и беседу ведем лишь бы скоротать время в пути.

В сказках говорится: скоро сказывается, да дело не так споро делается. У меня же, в моем сказочном романе, наоборот вышло. — так все получилось, что не успел я до родной станицы благополучно доехать, как сделались мы не только друзьями, но даже настолько, что я решил про себя, что или совсем на фронт не поеду, или буду ловчиться на Кубани остаться, или же, во всяком случае, задержаться там елико возможно.

/ Продолжение следует. /

Д-р А. А. Ж е м ч у ж н ы й
